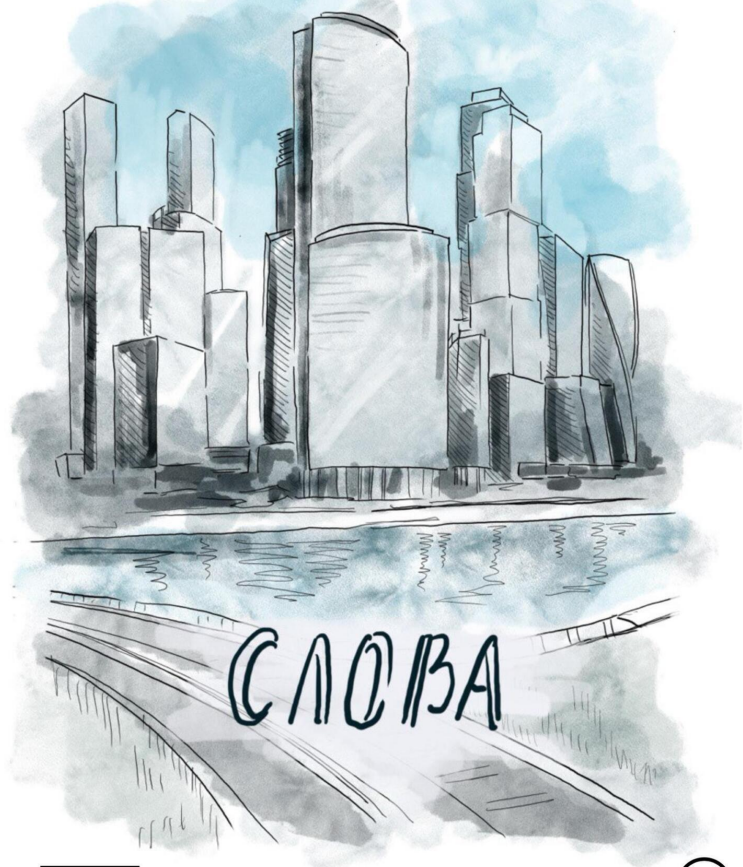

Мирошова Шапченко

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мирослава Шапченкова
Слова. Рассказ из сборника
«Московские сны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70543171

SelfPub; 2024

Аннотация

Всем авторам посвящается ....Редакция крупной газеты в эпоху перемен. Молодой журналист ищет смысл жизни и находит его в писательстве. Но вскоре находит в редакции комнатку, в которой ему открывается страшная тайна его жизни. Рассказ о том, как найти смысл своей жизни и не утратить его в то время, когда весь мир вокруг теряет смысл.

Мирослава Шапченкова

Слова. Рассказ из сборника "Московские сны"

Его звали Васей, и он работал журналистом в ежедневной политически-деловой газете уже пятый год подряд. Это очень тяжелая работа, она сродни работе на заводе – недаром их редакция располагалась на старой мебельной фабрике. С утра надо найти новости, а лучше эксклюзив, сенсации – выкопать их из земли, вытащить из ньюсмейкеров, а потом написать на эту тему заметку, лучше на первую полосу – такие статьи в газете называли "шапками", то есть шапкой газеты. Находить их было настолько сложно, что журналисты описывали этот процесс как рытье – «рыть эксклюзивы». И после этого надо было еще написать правдивую статью – при этом так, чтобы тебя самого за нее не зарыли обиженные герои статьи.

Но несмотря на все трудности, Вася очень любил эту работу – и особенно те дни, когда писал на первую полосу.

Вечер. В редакции загораются лампы – маленькие жёлтые луны. Шум, гам вокруг, крики, смех. Гул поезда снаружи. Внутри – яркий свет. Пишешь изо всех сил, но надо

ещё быстрее, потому что газета скоро уходит в печать, есть жесткий дедлайн. И пока клацаешь по клавишам с такой бешеной скоростью – похож на волка, который бежит и клацая зубами, пытается укунить луну – а вместо луны на зубах скользит зубной порошок, лунный блеск. Клац! Клац! Клац.

Из «аквариума» – помещения со стеклянной стеной – выбегают главный редактор – железная женщина, которая подписывалась в письмах как принцесса Лея – и пронзительным голосом кричит:

– сдавай уже заметку, блять! Ты нам весь номер посадишь!

Вася строчит ещё быстрее, хотя это уже физически невозможно. Адреналин в крови, пять минут до дедлайна, сдал заметку – кайф. Под потолком редакции были подвешены картонные фигурки акул в котелках и с сигарами в зубах – это обозначало, что здесь работают акулы пера. И сейчас Вася, выбившийся из сил, смотрит вверх – и акулы подмигивают ему. А на следующий день когда выходила, наконец, заметка на первой полосе – у него было такое ощущение, что сегодня его день рождения. Статью читала вся Москва, самые влиятельные люди страны. Его слова влияли на большие решения, изменяли реальность...

Ради этого стоит жить.

Вася не обижался на крик Леи – ведь она искренне болела их газетой, а их газета боролась за справедливость в этом мире. Она была единственно независимой в их стране – и по-настоящему правдиво описывала жизнь.

И так каждый день.

В конце дня редакторы подписывали полосы номера, верстальщики подрезали хвосты статей, номер уезжал в типографию – все расходились. Наступала ночь.

Но Вася не уходил.

Дело в том, что у Васи была – двойная жизнь.

По ночам он занимался ... магией.

В тиши редакции он открывал файл в ворде – и записывал туда то, что называл «отрывками». Его записи, о том, что он видел за день. Если дневные его слова изменяли реальность, ночные – проникали глубже, в суть реальности. Если для статей он писал очень сухим деловым тоном – то тут расходился на полную мощь: эпитеты, метафоры, гиперболы кишели в его тексте, как микробы. Он искал часами нужные слова, чтобы описать самые простые явления – как в окнах горел свет утром и было ещё темно, как таинственно сверкали лампочки, как пахло в метро креозотом и утренняя давка вызвала смутное ощущение борьбы людей и государства. Как странная чёрная ворона преследовала его до самой редакции, идя полубоком. И всю эту чушь он должен был описать – и описать точно и живо. Зачем он писал?

Хотел ли он опубликоваться? Нет, он об этом даже не ду-

И, удовлетворённый, ехал домой в пустом поезде метро. Пустынном, одиноком, дребезжащем, гулком...

Со временем Вася стал понимать, что делает что-то не то. Он понял, что метафоры не всегда помогают, на деле они похожи на подвыпившую тетку, которая не умеет петь, но поет в общем хоре громче всех, любуясь своим зычным голосом. Потом он понял, что даже самые удачные метафоры могут быть не удачны, потому что они отражают внешнюю схожесть, но не суть. Например тот же фонарь – когда-то он сравнил его с виселицей, на котором, как покойник, болтается свет. И очень гордился этой метафорой. А потом взгляделся в свет фонаря и понял, какая это чушь – ведь свет был такой живой, такой высшей тайной, сравнить его с чем-то мертвым было преступлением. А потом он стал понимать, что надо делать. Закрой глаза – и подумай о том, что ты ощущаешь от этого света, от этой ночи. А затем – подбери слова, которые по своим свойствам вызывают те же эмоции. При этом, будь очень осторожен со словами, потому что каждое слово влечёт для людей свой семантический шлейф. Сочетай эти шлейфы – и добьёшься нужного эффекта.

Для чего он писал? Он чувствовал себя сообщником Бога, который увидел его мир – и должен был его сохранить.

И в такой гармонии с собой – между дневных слов и ночных – Вася и жил. Пока в один день не произошло одно страшное событие – событие, с которого все началось.

***

Все началось с заметки об оттоке капитала. Какие-то странные движения заметил ЦБ, похожие на офшорные схемы. Замредактор газеты, Борис, курирующий финансовые заметки – сорокалетний мужчина с седой головой, хитрым прищуром барсучьих глаз, очень умный и очень ироничный – сказал, что аналогичный случай был десять лет назад. Этот дотошный редактор всегда был не удовлетворен заметками Васи и просил их дополнить «бэком» – историей вопроса, и просил его писать все новые и новые подробности в статье и при этом ее сокращать. И просьба посмотреть то, что было аж десять лет назад, ввергла Васю в тоску. Где смотреть, если тогда даже интернетом никто не пользовался?

Но Борис хитро прищурился и сказал – «иди в ту комнатку» – и указал на невзрачную серую дверь в самом конце редакции.

Вася раньше не замечал этой комнатки. А, может, и замечал, но думал, что это подсобное помещение. Что же там находится? И с неким любопытством он прошёл к двери.

Приоткрыл дверь.

Мрак.

Включил свет.

Под потолком вспыхнула лампочка.

Маленькая комнатка. Без окон. Синеватый свет. Железные полки. И на этих полках – груды газет. Сотни тысяч газет. Вася стал их осматривать. Это были газеты из разных

годов, из разных месяцев, дней. Они были сшиты друг с другом в большие толстые пачки. Истлевшие и бледные.

Его так поразила эта картина – и навеяла какие-то нехорошие мысли – что он даже забыл, зачем пришёл. Синеватый свет придавал этим газетам особую мертвенность. «Какой-то морг газет», – подумал Вася и отметил, что вечером это надо записать.

Вечером все ушли – и наступила ночь.

Вася заварил себе чай и сел за написания отрывков. Он хотел описать утро в Москве, зарю или оранжевое мерцание на лбу у тренькающих трамваев. Начал печатать. Буква за буквой, слово за словом...

И остановился.

Что-то ужасно тоскливое и гнетущее сидело в нем и не давало писать дальше. Трамвай не ехал, заря не розовела.

В редакции – крошечная тишина. Ряды пустых столов и чёрных экранов. Мутно желтые лампы. Бросают на линолеум на полу блестящий свет. Коридор, в тени коридора – серая дверь.

В маленькую, тесную, как гроб, комнатку.

«Вот, что мешает мне», – понял Вася.

Он принимался что-то писать, описывать – но все образы

исчезали куда-то. В центре головы ярко горела бледно-синяя лампочка – и просила, требовала ее описать.

Почему-то Васе совсем не хотелось этого делать. Он решил отделаться простыми словами – «комнатка, в которой лежали старые мёртвые газеты».

Но этого было недостаточно.

«И это все? – хитро прищурившись спрашивала комната, – Вася, какие трамваи, какая заря? Подойди, загляни в меня.

Я – суть всего».

И как ни противно ему это было, он встал. Подошёл к своей двери. Открыл ее.

И вошёл.

Мрак.

Щелк.

Вспыхнул свет.

Яркая лампочка.

Железные полки.

Бледный свет.

Стопки газет.

Нет, это не морг газет.

Вася вдруг осознал.

Это просто морг.

Из этой комнатки на него смотрела – смерть.

***

Она посмеивалась и говорила ему: кому нужны твои статьи и твои слова?

Ты их напишешь, а их положат на железную полку.

Ты умрешь и тебя положат на железную полку.

А потом сожгут.

Нет ни зари, ни трамвая, ни фонарей, ни света.

Есть только этот свет.

Синеватый.

Мёртвый свет.

Вася не помнил, как в тот день добрался до дома. В грохочущем вагоне ему больше ничего не хотелось описывать. Он просто приехал домой, лёг и провалился в чёрный сон.

***

На следующий день ему стало легче. Вася пообещал себе больше никогда не ходить в эту комнату. Он писал эксклюзив на первую полосу и общая суэта редакции отвлекла его.

Но опять настала ночь.

И он снова – один в редакции.

И опять – какая-то навязчивая идея заставила его туда идти.

Он решил посмотреть страху в глаза.

Вспыхнул свет.

Голая лампочка.

Железные полки.

Снова – смерть.

И так – каждый день.

***

Спустя время Вася начал глубже копаться в том, что произошло. Он стал искать причину своей реакции на эту комнату.

И вдруг нашёл ее.

Эта комната о чем-то говорила ему. Он стал прислушиваться – и через неделю расшифровал ее таинственный беззвучный голос.

Что же она шептала? Она говорила о том, что его работа бессмысленна. Что все эти заметки, которые они пишут, ничего не изменят в этом мире. На завтра их все забудут. «И что – это все, что останется после тебя?» – брезгливо спра-

шивала комната. Только через десять лет какой-нибудь новый Боря скажет новому Васе пойти посмотреть в архивную комнатку и там бедный Вася 2.0 вытащит из-под тонны газет придавленную газету, на которой будет, как на надгробии, написано имя Васи первого... и это все? Это все, что останется после тебя?

И Вася понял – это знак.

Знак того, что он не должен разменивать себя на заметки. Сама судьба говорила ему: Вася, какие заметки, Вася, ты что? Очнись, алло. Ты гений. Ты должен Писать. Ты гений, а гении рождаются не так часто, чтобы тратить себя на всякую ерунду.

И Вася послушался тихого таинственного голоса, шептавшему ему из-под мертвых газет.

И он стал писать – и делал это так, будто отчего-то пытался убежать.

***

Ведь Вася, наконец, понял, для чего он писал.

Не мир он хотел запечатлеть – мир как стоял, так и будет

стоять – а себя, свое восприятие этого мира.

Свой дух.

Он всем нутром ощутил свою смертность и желание вложить свою жизнь во что-то, в чем она сохранится. И он стал отчаянно писать, он верил, что именно это сделает его бессмертным. А Вася теперь чувствовал, что весь его организм жаждет бессмертия – как жаждет воды и воздуха. Это была физическая потребность. Он не хотел быть мёртвой газетой, которую положат на железную полку.

Но так как писательство – кропотливая работа и требует спокойствия, а Вася был очень беспокойным пациентом, то писать он стал все хуже и хуже. Если раньше он разумно относился к тексту, то теперь хотел сделать каждый отрывок гениальным, и от этого его бедные отрывки становились перегруженными эпитетами, метафорами, философскими глубокомысленными мыслями, так что, если бы у его отрывков были бы ноги, они бы давно удрали от Васи, как подопытные кролики. Но Вася чувствовал такой прилив писательской ажиотации, что уже не сомневался – он гений и пишет под диктовку высшего существа.

В один день он решил остановиться – и все перечитать.

Он читал долго. Читал все, что написал за последний месяц. С ужасом он перечитывал страницу за страницей, страницу за страницей, и понимал, что ничего, абсолютно ничего из этого никому нельзя показать – это было падение. Стиль был ужасный, голос автора – писклявый, будто текст писала истеричная женщина, от которой ушёл муж. А в своих философских мыслях он уже и сам не мог найти ни одной мысли. Нет, не под диктовку высшего духа, а под диктовку какого-то черта писал все эти отрывки Вася.

Со страхом он решил открыть старые свои отрывки. И стал их читать... он читал и читал... читал и читал...

И вдруг почувствовал – звенящую пустоту. То, что раньше вызывало у него ощущение трансцендентного и неземного – вдруг перестало что-либо вызывать. Нет, кое-что было удачным, но никакие картинки эти слова больше не воспроизводили в голове, как сломавшийся телевизор. И уж, конечно, никакого бессмертия эти слова дать не могли. Таких слов кругом было очень много – все писали что-то, а теперь, когда появились соцсети, все стали писателями и каждая женщина и каждый мужчина писали лиричные посты о том, как они купили кота, помыли кота, сделали ремонт, осудили власть, бойкотировали выборы, нашли работу, потеряли работу, как пошёл снег, как не топят дома в сентябре и как это приведёт к свержению политического строя, и прочее, и прочее,

и прочее... и все высказывали свои мысли, складывали их в слова – и его жалкие красивенькие наряженные слова просто терялись в этом потоке, как в метро, в час пик, в толпе...

Но это не самое страшное.

Они у него самого никаких чувств уже не вызывали. Слова – которые шумели и пахли – вдруг рассыпались в чёрные черепки. «Это же просто набор чёрных символов», – понял Вася.

И это открытие стало для него входом – в чёрный тоннель.

***

Вася никогда не выкладывал свое творчество в соцсетях, однако не стеснялся посылать свои отрывки друзьям и родным. Кто-то говорил, что красиво, кто-то советовал писать ещё и незаметно блокировал его, мама говорила, что это гениально, однако однажды один искренний человек дал ему дельный совет: «Вася, ты достал уже со своими отрывками, иди и напиши уже нормальную книгу». Тогда Вася обиделся и отфрендил друга, но сейчас уцепился за эту идею. Может, написать книгу? Ведь он всегда чувствовал, что внутри него зреет книга – великая, гениальная, которая потрясёт все человечество.

Однако в этой книге пока не было ни сюжета, ни героев,

ни идеи, ни смысла. Было только смутное ощущение, в котором, как в первобытном веществе, плавали отрывки. Иногда зуд этого не созданного мира достигал такого пика, что он садился и начинал писать. Но выходила такая картонная пустота, что ему становилось стыдно даже иметь этот файл в своём компьютере и он его удалял.

И в одно утро он встал с постели, посмотрел в зеркало и четко сказал себе: Вася, ты – графоман. Это мужественное открытие было таким ужасным и стыдным, как если бы он заболел венерической болезнью. Ему стало стыдно за те отрывки, которые он посылал друзьям, как если бы он посылал снимки своего голого члена. Все. Никаких больше отрывков, сказал себе Вася: я не писатель. Я только трачу время. Я должен вернуться к статьям, ведь это моя профессия.

***

И Вася вернулся. Он стал писать статьи.

Но в статьях у слов другие функции – без эксклюзивов, новостей они никому не нужны. А эксклюзивы, между тем, не находились. Их, вообще, сложно искать. Поэтому, в основном, Вася писал рутинные заметки о том, как изменился рынок облигаций, как снизились ставки на ОФЗ, как утекла ликвидность и снова притекла. В общем, он писал никому не нужные заметки, которые были нужны только для того, чтобы заполнить пустое пространство на полосе.

Временами приходил к нему Боря с чайком в руках и спрашивал:

«Ну что, сшил нам сегодня шапочку?»

Вася снова качал головой. Боря вздыхал и вихляющей походкой возвращался в «аквариум» – и там, наверное, говорил главреду, что Васю надо сдать в утиль или отнести в комнатку для архивных газет, если его нельзя уволить.

Иногда из комнатки выбегал шеф-редактор Дима – кругленький коротконогий, очень важный человек в редакции – и просил всех сделать какие-то невообразимые вещи. К примеру, он выбегал и орал:

– «Безголовый безбашенник» пишет, что муж предполагаемой дочери Путина ушёл от неё к другой женщине, опросите своих источников, так ли это!

С этой просьбой Дима обходил все отделы – и журналисты от него сами прятались и жались по углам, как сбежавшие мужья дочери Путина, потому что никто не хотел смущать своих источников такими провокационными вопросами.

Наконец Дима добрался и до Васи и, нависая над ним, спрашивал с вызовом:

– А ты, Василий, – позвонишь своим источникам?

– Я же финансовый журналист, у меня нет таких серьезных источников, – оправдывался Вася, вжимаясь в кресло.

– У тебя-то? Да твои банкиры знают все, что происходит, как сплетницы из швейного кружка. На твоём месте как раз раньше сидела Наиля, которая за пять минут могла найти номер телефона хоть черта лысого.

Вася вздыхал и звонил своим источникам, которые тут же

вешали трубки, не дослушав подробности личной жизни таких уважаемых людей. Дима стоял над душой, перекрестив руки на груди, и говорил:

– Рой, Василий, лучше рой. Ты совсем перестал приносить шапки.

И Вася рыл и чувствовал, что роет себе могилу. Он уже давно понял, что все такие заметки, хоть и важны и интересны читателям, но приводили к тому, что его источники боялись с ним общаться. А без своих источников журналист не имеет никакого смысла, это просто диктофон на ногах. И все важные источники все меньше и меньше хотели общаться с маленькой упоротой независимой газетой и держались от нее подальше. В принципе, работа журналистом становилась не менее бессмысленной, чем его отрывки. И даже более.

Тем более, что скоро вся эта независимость должна была закончиться – и это витало в воздухе. Главная редактор однажды собрала всех в центре редакции и сказала своим низким пронзительным голосом:

– Коллеги, мы живем в очень тяжелые времена. наших коллег из других изданий уничтожают, – говоря это, она вышагивала из стороны в сторону, заложив руки за спиной – понятно, что и нас рано или поздно уничтожат. Наша цель – продержаться и самим не подставиться. Пусть нас уничтожат, но не за то, что мы сами кого-то оклеветали и написали лажу. Поэтому внимательно проверяйте все факты и внимательно смотрите, что вы, блять, пишете, и не пишите всякой

хуйни. Вы должны понимать, какую огромную ответственность вы несёте за свои слова. Помните про догму нашей газеты. Все вы ее читали, когда вас брали на работу. Что в ней самое главное? Точность – самое главное. Пока вы пишете правду и выбираете точные слова, вы находитесь в домике, который защищает вас от кислотного дождя. Кислотный дождь – это те люди, которым не нравится ваша правда. Если вы лагаете в словах и пишете неправду, кислотный дождь прожжёт ваш домик и сожжет вашу голову.

И на этой духоподъёмной ноте она завершала:

– А теперь идите и быстрее ищите эксклюзивы, на первой полосе у нас по-прежнему голая жопа.

– До дедлайна два часа, если мы опять завалим дедлайн, типография нас оштрафует и придётся порезать зарплаты, – добавлял Дима.

И все расходились за свои обшарпанные компьютеры, которые не менялись уже десять лет.

Продолжалось все это недолго. Как и предсказывала принцесса Лея, редакцию уничтожили. Вернее просто открутили ей голову: сменился владелец и он заменил главного редактора.

Новый редактор – седой старик с лицом пьяного опоссу-

ма – сразу же собрал всех и, глумливо подхихикивая, сказал, что редакция безнадежно устарела, нужно менять стиль, перестать ныть и начать смотреть в будущее своей страны с оптимизмом. «А сейчас идите и ищите эксклюзивы, потому что на первой полосе у вас опять голая жопа», – заключил главред и пошел обустраиваться на новом рабочем месте.

Все разошлись и стали увольняться.

Вася однако не уволился – он не мог себе это позволить. Он жил на арендованной квартире и не мог уйти в никуда.

И началась новая жизнь. Сняли картонных акул. Редакция стала пустой. И хотя в ней появились новые люди, эта резкая замена одних людей на других создавала ощущение, что прежние люди умерли и прошло уже сотни лет. И сам Вася тоже умер – и живет в новой редакции как призрак.

Больше никто не выбегал и не просил найти зятьев Путина, не просил выяснять ничего о решениях властей, а главный редактор целыми днями возлежал на диванчике в комнате верстальщиков с бокалом аргентинского вина. Этот человек почти ничего не делал, но единственной и очень важной его работой было в конце рабочего дня внимательно прочесть газету на предмет того, что он называл «стремными» моментами – то есть слов и фактов, которые могли обидеть кого-то важного и влиятельного. Такие моменты надо было незамедлительно уничтожать. И хотя вся редакция думала, судя по его стеклянному взгляду, что их редактор уже в лучшем из миров, каким-то образом его тело вдруг оживало и в

каждом номере находило новые стремные моменты. Наверное, сильно развитый инстинкт самосохранения, а также сохранения дивана и вина давали ему импульс к воскрешению. Затем его тело снова впадало в клиническую смерть, но при этом продолжало размещать посты на фейсбуке о том, как хорошо развивается редакция под его началом.

В общем, теперь Вася мог спокойно писать о том, как растут или снижаются ставки, но ему было стыдно работать в этой газете. Сам себе он казался предателем, и в то же время ему было все равно. Он мог бы стать пиарщиком, но это была бы ещё более невыносимая работа – расхваливать новую банковскую карту «халва»? Тем более в его финансовую сферу новый редактор почему-то не лез, только однажды попросил не писать о том, что госдолг растёт. А Васе то что? Не растёт, так не растёт.

К тому же Вася заметил, что уже не только он, но и все его коллеги пребывали в упадническом настроении. Зачем что-то писать, выявлять проблемы, бороться, если все равно тебя уберут в архивную комнату, а на твоё место придет полуживой опоссум, который будет лежать на диване и пить вино? Все твои стремления лишь разрушают последнее, что у тебя есть, думал Вася. И, может, прав был опоссум, сидя на диванчике и ничего не делая? Он сидел на этом диване, как Диоген в своей бочке, и ему было этого достаточно. Может, опоссум постиг высший смысл бытия и вышел из круга Сансары?

И Вася стал так же жить и работать. И иногда он чувствовал, что не живет, а заполняет пустое место на полосе.

А потом произошло еще одно событие, которое стало последней ступенью вниз для Васи.

Он сидел в этот момент за столом и писал очередную заметку. Он долго не брал трубку, а потом все же взял ее. Телефонная трубка сказала, что его мама умерла. Услышав это, Вася внезапно почувствовал, что уже ничего не имеет смысла – ни его сиденье здесь, ни его нахождение в этом мире. Впервые он оставил недописанной заметку, хотя она шла на первую полосу и до дедлайна было пять минут, вышел в камеру с мертвыми газетами, заперся – и со всей силы зарыдал. Он трясся, понимая, что уже не понимает больше ничего, не понимает, что такое жизнь и что с ней делать. Не только заметки, не только отрывки, но вся жизнь – что это? Для чего?

Зачем.

***

Он стоит посреди зала, спиной к шумящей редакции. Над головой раздаются крики и стреляет стук клавиш. С утра до ночи включают свет – чередой шарообразных ламп разной степени яркости. Если смотреть на них из глубины коридора, они образуют двустороннее зазеркалье двух зеркал, постав-

ленных друг против друга. Фальшивые желтые луны, имитирующие свет с самого утра – на этой проклятой мебельной фабрике. «Заберите меня отсюда, я не могу это больше терпеть», – умолял он, сбежав с рабочего места и сидя в подсобке, окруженный тоннами старых газет.

За окном где-то вдалеке раздавался поездной гул.

Жизнь пошла дальше. Вася работал, хоть и был уже живым трупом – не менее мертвым, чем его редактор. И впору ему самому было ложиться рядом на диванчике. Но во-первых, редактор, несмотря на пьянство, был упитанным мужчиной и занимал собой весь диванчик, а, во-вторых, надо было писать заметки.

И Вася писал и, Бог его знает, чего он там понаписал, потому что все равно это уже никто не читал. У газеты умерла репутация, и Вася умер вместе с ней. Он был абсолютно пуст. В тот момент, когда ему было особенно тяжело, он попытался снова начать писать. Но написал всего три строчки:

«А кто вы, слова?

Лишь призраки...

Не воскресите того, кого хочу я обнять».

И тут же стер их.

Вася уже не искал смысла жизни – он искал способа существовать. Ведь он не мог высидеть и часа на рабочем месте. Ни минуты, ни секунды. И глядя на своего невозмутимого редактора с его остекленевшим взглядом и блаженной улыбкой, Вася завидовал ему. Он уже точно знал, что это не про-

сто спившийся конъюнктурщик. Нет, этот человек был Буддой и нашёл единственно возможную позицию в этом мире, которая позволяла ему не совершать никаких действий и не страдать.

Нельзя найти того мгновения, начиная с которого создания, заблудившиеся в невежестве, скованные жаждой бытия, пускаются в свои странствования и блуждания. Как вы думаете, ученики, больше ли воды в четырёх великих океанах, или слёз, пролитых вами, когда вы бродили и скитались в этом долгом паломничестве и скорбели и плакали, ибо то, что было вашим уделом, вы ненавидели, а то, что вы любили, не было вашим уделом. Смерть матери, смерть брата, потеря родственников, потеря собственности – всё это пережили вы в течение долгих веков. И, переживая в течение долгих веков всё это, скитаясь и бродя в этом паломничестве, скорбя и плача, – ибо то, что было вашим уделом, вы ненавидели, а то, что вы любили, не было вашим уделом, – вы пролили больше слёз, чем есть воды в четырёх великих океанах....

Читал Вася в записках Будды Шакьямуни и тоже пробовал уйти в анабиоз, как и его редактор. Выйти из круга стремлений и жизни. Не искать, не страдать. Но выходить у него получалось только в туалет или в комнатку с газетами. Ведь он неизменно возвращался на своё рабочее место.

И снова видел – чёрные экраны, круглые лампы. Отблеск на линолеуме. Желтый свет.

Как не сознавать это все, не мучаться, не страдать? Как ни пытался, Вася не мог себя не осознавать.

И так он существовал до тех пор, пока в один день не произошло то, что должно было произойти.

Его уволили.

На место Васи привели другого человека.

***

Сегодня был его последний рабочий день.

Он сдал последнюю свою заметку поздно, когда все уже ушли. Это был «засол» – то есть заметка, «засоленная» на завтра, когда Васи уже не будет, а новый человек еще не придет, и некому будет заполнять собой пустое место на полосе.

Вася встал и обошел редакцию. В ней пахло табаком и аргентинским вином, но окна были приоткрыты и из них доносился пронзительный запах летней ночи.

Он подошел к окну и посмотрел последний раз на тот вид, который видел перед собой шесть лет. И впервые за долгое время он почувствовал то, что чувствовал раньше, когда мир был так волшебен для него. Была уже глубокая тёмно-синяя ночь. Фольга золотилась на окнах, золотилась башня и фона-

ри лили свой невыразимый свет. Все это было похоже на картину Ван Гога или музыку Баха, на подлинную реальность, на правду, которая существовала, несмотря на то, что происходило и происходит вокруг. И хотя он больше не был причастен к этой правде, он захотел ее описать – как мог.

И Вася сел и стал писать – не отрываясь, понимая, что выходит совсем не то, что он хочет. Он писал так же, как и жил – жизнь выходила совсем не такой, какой представлялась, он жил, не видя смысла, не верил, что сможет его найти, но ведь что-то внутри него жило, искало, что-то продолжало желать и стремиться и он не мог этого остановить. Его жизнь была чем-то, что ему не принадлежало, у чего была своя цель на земле.

Он стал описывать эти свои мысли, понимая, что они никому не нужны. Но он писал и не мог остановиться.

Когда наступил час ночи, Вася прекратил писать, и стал перечитывать. Он читал страницу за страницей, страницу за страницей и... увидел... увидел, что все это абсолютно бездарно и безнадежно. Что он пишет ещё хуже, чем раньше писал и что люди на фейсбуке, пишущие о том, как помыли своего кота или вкусно пообедали, гораздо нужнее миру, чем он и его текст. В одном месте он сам засмеялся от собственной пошлости. Также нашёл пару точных сравнений и захотел отдельно их выписать, но потом решил этого не делать. Магия ушла, приступ эйфории прошел, как приступ эпилепсии, и он решил удалить файл, не сохраняя. Нажал крестик

– и файл перелетел в корзину. Зашёл в корзину и окончательно добил недобитый текст. И Вася уже хотел выключить компьютер – но вдруг открыл новый файл и написал мысль, пришедшую из ниоткуда:

А настоящим писателем ты станешь не тогда, когда ты сможешь писать, а когда поймешь, что ты не можешь писать, но все равно пишешь, просто потому что не можешь этого не делать.

И подумав, Вася добавил, печатая, будто под диктовку:

Потому что, когда мы пишем, мы будто бежим через страшную пустоту, бежим, не оглядываясь, боясь оглянуться, пока черные слова не рассыпались позади нас в прах. Пока не рухнули все эти слова как соломенный домик, пока появляются перед глазами в пустоте строчки, пока развертываются как ковровые дорожки, как мостики, обреченные сгнить после нашего прыжка. Моя жизнь, мой Бог, дай мне веру, дай мне силы в тебя верить, пока я еще бегу, пока я еще живу...

Осень 2021.